

А. И. САВИН
Институт истории СО РАН (Новосибирск)

БОРЬБА ЗА МОЛОДЕЖЬ: СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЕ ДИССИДЕНТЫ В БРЕЖНЕВСКУЮ ЭПОХУ

Статья посвящена изучению острого конфликта, возникшего между религиозными диссидентами из числа евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) во главе с Советом церкви ЕХБ и властью в брежневскую эпоху по вопросу религиозного образования детей и юношества. На основе документов ЦК КПСС, Совета по делам религий при Совете Министров СССР и КГБ СССР за 1964–1982 гг., многие из которых впервые вводятся в научный оборот, сделан вывод о том, что массовое нарушение верующими запрета на групповое обучение молодежи религии являлось главной угрозой государственному политико-идеологическому концепту о скором отмирании религии в социалистическом обществе вместе с уходом из жизни «темных» старших поколений. В этой связи власть применяла целый комплекс политических, идеологических и репрессивных мер, направленных на то, чтобы вынудить верующих отказаться от религиозного воспитания молодежи. Однако эффективность этих практик была низкой, поскольку верующие, отстаивая свои религиозные свободы, действовали как сплоченная «группа интересов», не считаясь с возможными негативными последствиями для себя лично.

Ключевые слова: протестантизм, религиозные диссиденты, молодежь, религиозное образование, Совет по делам религий, КГБ, брежневская эпоха.

16 марта 1966 г. КГБ СССР совместно с Прокуратурой СССР и Министерством охраны общественного порядка СССР внес на рассмотрение в ЦК КПСС ряд предложений «в связи с националистической деятельностью крымских татар и проявляемой активностью немцев-„автономистов“ и баптистов-„инициативников“»¹. Именно эти три группы населения, наряду с так называемыми «правозащитниками», воспринимались органами государственной безопасности на всем протяжении брежневской эпохи как главный источник внутренней угро-

¹ См.: РГАНИ. Картотека документов Общего отдела ЦК КПСС. Каждая карточка содержит название, точную дату, имена авторов и получателей, а также краткое содержание документа. Настоящая записка была адресована секретарю ЦК КПСС И. В. Капитонову.

зы стабильности советского строя. Но если движения российских немцев и крымских татар за восстановление своих автономий исследованы сегодня достаточно полно, то о так называемом «инициативном» движении религиозных диссидентов², охватившем в начале 1960-х — 1980-е годы в СССР существенную часть протестантов, известно сравнительно мало.

Тем не менее, назвать историю религиозного диссента евангельских христиан-баптистов «белым пятном» нельзя. За три с лишним десятилетия после выхода в свет «Истории инакомыслия в СССР» Л. М. Алексеевой³, историки добились определенных успехов в изучении послевоенного протестантизма в СССР. В свет вышли монографии Л. И. Сосковец⁴, А. В. Горбатова⁵, Т. К. Никольской⁶, Н. А. Беляковой⁷ и две коллективные монографии тюменских историков⁸. В. В. Шиллер⁹, С. П. Волохов¹⁰, А. Л. Глушаев¹¹

² Этимология термина «инициативники» следующая: верующие, недовольные сервильностью руководства Всесоюзного Совета евангельских христиан баптистов, выступили в начале 1960-х годов с *инициативой* созыва всесоюзного съезда баптистов, который должен был независимо от государства решить ключевые вопросы церковной жизни, в том числе выбрать новое руководство церкви. В дальнейшем религиозные диссиденты в официальных советских документах именовались как «сторонники так называемого [нелегального] Совета Церквей ЕХБ».

³ Книга Л. М. Алексеевой, впервые опубликованная в США в 1984 г., включала в себя небольшую главу о евангельских христианах-баптистах. См. любое издание, например: Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. Вильнюс-М., 1992. 332 с.

⁴ Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е годы XX века. Томск, 2003. 348 с.; Она же. Религиозные организации и верующие в советском государстве. Томск, 2008. 252 с.

⁵ Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е — 1960-е годы. Томск, 2008. 408 с.

⁶ Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб., 2009. 356 с.

⁷ Beljakova N., Bremer T., Kunter K. «Es gibt keinen Gott!» Kirchen und Kommunismus. Eine Konfliktgeschichte. Herder Verlag, 2016. 256 с.; Белякова Н. А., Добсон М. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР (1940–80-е гг.): исследование и источники. М., 2015. 512 с.

⁸ Протестантизм в Тюменском крае: история и современность / под ред. И. В. Боброва. СПб., 2006. 222 с.; Клюева В. П., Поплавский Р. О., Бобров И. В. Пятидесятники в Югре (на примере общин РО ЦХВЕ). СПб., 2013. 256 с.

⁹ Шиллер В. В. Этноконфессиональное взаимодействие в Кемеровской области в конце XIX–XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004. 308 с.

¹⁰ Волохов С. П. Социально-политические протесты середины 1950-х — середины 1980-х гг.: на материалах Алтайского края, Новосибирской и Томской областей: дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 218 с.

¹¹ Глушаев А. Л. Протестантские общины в городах и рабочих посёлках в 1945–1965 гг. (на материалах Молотовской (Пермской) области): дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2013. 176 с.

и Е. А. Серова¹² защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Особого внимания также заслуживают две публикации американских коллег, являющихся маркером роста интереса западных историков к теме протестантских конфессий в послевоенном Советском Союзе. Монография Хироаки Куромия посвящена исследованию судебного дела в отношении 14 адвентистов-реформистов, арестованных в ноябре 1952 г. в г. Белая Церковь (Украина) по обвинению в подпольной религиозной деятельности¹³. Эмили Баран в свою очередь исследовала деятельность общин Свидетелей Иеговы в СССР в послевоенный период¹⁴.

В результате в научный оборот введен большой фактический материал и подведены первые итоги изучения. Большинство вышеназванных исследований, за исключением публикаций западных историков, проводилось преимущественно в традиционном позитивистском ключе: основное внимание уделялось выработке государственной политики в отношении религиозных организаций, советскому антирелигиозному законодательству, деятельности органов КГБ, а также Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР — Совета по делам религий при Совете Министров СССР и его региональных уполномоченных, направленной на контроль и ограничение религиозной сферы.

Один из основных выводов, который вытекает из проделанных исследований, можно сформулировать следующим образом: к 1965 г. центральная власть стала ясно осознавать неэффективность «увлечения административными мерами борьбы» с религиозными организациями, которые вызывали ответное «отчаянное сопротивление» верующих¹⁵. Радикальная антицерковная кампания, организованная Н. С. Хрущевым в начале 1960-х годов, создавала ненужные точки напряжения, превращала вполне лояльных «советских трудящихся» из числа верующих в отчаянных противников государства и была признана новым брежневским руководством контрпродуктивной. Нормализация церковно-государственных отношений после прихода Л. И. Брежнева к власти в октябре 1964 г., стала продолжением сталинской идеологической

¹² Серова Е. А. Общины Евангельских христиан-баптистов Кемеровской области в середине 1940-х — первом десятилетии 2000-х гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2013. 183 с.

¹³ Kuromiya H. Conscience on Trial. The Fate of Fourteen Pacifists in Stalin's Ukraine, 1952–1953. Toronto, 2012. 212 с.

¹⁴ Baran E. B. Dissent of the Margins. How Soviet Jehovah's Witnesses Defied Communism and Lived to Preach About it. N. Y., 2014. 382 с.

¹⁵ Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири... С. 304.

политики «нового курса» периода Второй мировой войны, направленной на создание лояльной и полностью подконтрольной «советской церкви»¹⁶.

Главная новизна брежневской политики по отношению к церкви и верующим заключалась в том, что государство стало признавать лояльные религиозные организации субъектами, имевшими полное право пользоваться всеми преимуществами и защитой, которые гарантировала «социалистическая законность».

Однако соблюдение «социалистической законности» во взаимоотношениях государства и религиозных организаций являлось лишь одной стороной медали. Борьба с религией и религиозными институтами оставалась неотъемлемой частью государственной политики: в 1960-х — 1980-х годах в СССР по-прежнему велась массовая атеистическая пропаганда, действовали жесткие ограничения в области печати и распространения религиозной литературы, функционировала система контроля и ограничения деятельности религиозных организаций, практиковались различные формы дискриминации и преследования верующих. В этом отношении определяющей характеристикой религиозной политики брежневского государства являлась ее дуальность.

Соотношение между либеральной и репрессивной составляющими государственной церковной политики зависело от лояльности того или иного вероисповедания, «градуса» конформизма его руководства. Религиозный ландшафт Советского Союза брежневской эпохи был преимущественно пространством политической лояльности¹⁷. Главными церквями, на которые, как на трех китов, опиралась эта лояльность, являлись Русская Православная церковь, духовные управления мусульман и Всесоюзный Совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ). Высокую степень лояльности демонстрировали лютеранская и, отчасти, католическая церкви, а также еще целый ряд религиозных объединений. Заместитель председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР П. В. Макарец не стремился приукрасить действительность, когда в феврале 1977 г. заявил: «Все же религия у нас ло-

¹⁶ См. подробнее: Савин А. И. «Многие даже не допускают мысли, что сектант может быть честным человеком». «Брежневский» поворот в антирелигиозной политике и российский протестантизм (1964–1966 гг.) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Тверь, 2016. № 4. С. 59–75.

¹⁷ Савин А. И., Деннингхаус В. Религиозный ландшафт «развитого социализма» как пространство политической лояльности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. № 9 (63). URL: <https://history.jes.su/s207987840002031-3-1>

альна, религия у нас в руках, мы стараемся её держать мягкими рукавицами, но крепко, и это нам удается, за редким исключением <...>¹⁸. В качестве этих «редких исключений» фигурировал ряд протестантских организаций, а также малочисленные общины Истинно-православных христиан — Истинно-православной церкви¹⁹. Причем роль баптистов-«инициативников» во главе с нелегальным Советом Церквей евангельских христиан-баптистов (СЦ ЕХБ) в качестве главных религиозных диссидентов брежневской эпохи является общепризнанной²⁰.

«Контрразведывательный словарь», изданный в 1972 г. для внутреннего пользования сотрудников КГБ, так описывал историю возникновения религиозного диссента: «Евангельские христиане-баптисты (ЕХБ, их часто называют баптистами) — наиболее распространенная секта, объединяющая ранее самостоятельно существовавшие, но имеющие много общего в вероучении секты баптистов, евангелистов, большая часть пятидесятников и отдельные общины меннонитов. Общины ЕХБ имеются во многих населенных пунктах СССР <...> В 1960 году в секте ЕХБ образовалась группа реакционно настроенных проповедников, так называемых „инициативников“, недовольных лояльной по отношению к советскому правительству позицией руководства В[сесоюзного] С[овета] ЕХБ. Эта группа начала борьбу за руководящее положение в секте, что привело к расколу секты. Преследуя по существу политические цели, „инициативники“ стремятся добиться для секты и ее приверженцев дополнительных прав, сверх тех, которые предусмотрены советским законодательством о культах. Не получив поддержки большинства верующих, главари этой группы и их сравнительно немногочисленные последователи отде-

¹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 3442. Л. 43–65.

¹⁹ Истинно Православная церковь — Истинно православные христиане — религиозное неканоническое течение православного толка, возникшее во второй половине 1920-х годов в знак протеста против политики лояльности Русской Православной церкви по отношению к Советской власти. ИПХ не признавали канонической высшей церковной власти в лице митрополита Сергея (Страгородского) и выступали за переход к тайным («катакомбным») формам существования. Истинно православные христиане демонстративно отказывались от общения с представителями власти, государственных платежей, уплаты налогов и т. п. См.: *Шкаровский М. В.* Истинно-православные в Воронежской епархии // *Минувшее. Исторический альманах.* М.; СПб, 1996, Т. 19. С. 320–356; *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. 352 с.

²⁰ См., например: *Даниэль А.* Топология советского инакомыслия: 1950–1960-е годы // *Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы /* под ред. Я. Берендса, В. Дубининой, А. Сорокина. М., 2015. С. 95–96.

лились от ВСЕХБ и создали свою организацию, именуемую с сентября 1965 года Советом церквей ЕХБ. В религиозных кругах их называют „баптистами-раскольниками“. В настоящее время руководители Совета церквей ведут нелегальную деятельность, опираясь на незарегистрированные общины»²¹. В конце 1969 — начале 1970 г., по данным Совета по делам религий при Совете Министров СССР, в Советском Союзе насчитывалось 470 объединений евангельских христиан-баптистов в составе около 20 тыс. человек, которые активно поддерживали СЦ ЕХБ²². За период 1970–1984 гг. численность «инициативников», несмотря на все ухищрения властей, фактически не изменилась.

Не будет преувеличением утверждать, что феномен религиозного диссента породило маниакальное стремление советского государства к тотальному контролю за религиозными организациями. Раскол баптистской церкви на два течения — лояльный власти Всесоюзный Совет ЕХБ и диссидентский Совет Церквей ЕХБ — подрывал сами основы «новой» церковно-государственной политики, центр тяжести которой был перенесен из сферы массовых репрессий в сферу манипулирования лояльными религиозными организациями.

Протестный потенциал «инициативников» определялся комплексным характером, который носила их деятельность в сфере церковно-государственных отношений. Отказ признавать советское законодательство о культах, прямым следствием которого был отказ от государственной регистрации общин, самостоятельные контакты с Западом, успешная деятельность в сфере «самиздата»²³ и постоянные массовые апелляции «во власть»²⁴, отказ от финансирования квази-общественных фондов — именно сочетание этих свойств превращало верующих — сторонников СЦ ЕХБ — в настоящих религиозных диссидентов.

²¹ Контрразведывательный словарь. М., 1972. С. 293.

²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 38. Л. 203.

²³ В мае 1977 г. заместитель председателя КГБ СССР В. М. Чебриков констатировал: «Следует сразу оговориться, что более или менее заметное распространение на территории страны получили только религиозные материалы, издаваемые баптистами — раскольниками, другие же <...> большого хождения не имеют». См.: Чебриков В. М. Борьба органов КГБ с идеологической диверсией империалистических государств в современных условиях. Доклад на семинаре представителей органов безопасности социалистических стран по вопросам борьбы с идеологической диверсией противника. 26 мая 1977 г. // Деятельность органов государственной безопасности СССР на современном этапе: сборник документов и материалов. М., 1980. Вып. 1. С. 163.

²⁴ Савин А. И., Деннингхаус В. «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху // Россия. XXI. М., 2017. № 6. С. 118–141.

Настоящая статья посвящена практикам деятельности незарегистрированных протестантских общин в сфере религиозного образования детей и юношества. Мы попытаемся найти ответы на вопрос о том, каким образом «инициативникам» удавалось игнорировать строжайший запрет на организованное религиозное образование до достижения детьми 18 лет. Кроме этого, мы охарактеризуем деятельность соответствующих государственных органов, целью которой было осуществление запрета группового религиозного образования, а также оценим ее эффективность.

Феномен массового «омоложения» диссидентских общин чрезвычайно беспокоил власть, поскольку противоречил государственному политико-идеологическому концепту о скором отмирании религии в социалистическом обществе вместе с уходом из жизни «темных» и «непросвещенных» старших поколений. 17 сентября 1973 г. первый заместитель председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР А.И. Барменков отправил в отдел пропаганды ЦК КПСС пространную записку о попытках сторонников Совета Церквей ЕХБ «создать разветвленную сеть молодежных организаций сектантов» под названием «Добрый самарянин»²⁵. В отчете о деятельности Совета по делам религий за 1973 г. эта история излагалась следующим образом: «В начале 1973 г. в ряде мест были зафиксированы попытки создания разветвленной сети молодежных религиозных организаций, действующих под руководством т. н. СЦ ЕХБ на основе специального „устава“, строго регламентирующего жизнь и деятельность членов этих организаций, призванных воспитывать воинствующих „борцов“ за евангелизацию». Совет по делам религий оперативно проинформировал об угрозе возникновения «клерикальной организации» своих уполномоченных, а также местные органы власти, потребовав усилить «воспитательную работу с детьми из семей сектантов через школы и общественные молодежные организации»²⁶.

В случае с нелегальными молодежными организациями речь шла об одной из фобий советского руководства, а именно об устойчивой боязни организованной антисоветской деятельности молодых людей — «выходцев из социально-чуждой среды» и детей репрессированных. Специфические свойства молодежи, которые «толкали ее на путь борьбы с Советской властью», были так сформулированы в директиве народного комиссара государ-

²⁵ Текст записки см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 141. Л. 56–61.

²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 115. Л. 165

ственной безопасности СССР от 25 января 1945 г.: «Политически неустойчивая часть молодежи легко идет на всякого рода авантюристические предложения и, увлекаясь „романтикой“ нелегалщины, пытается прибегнуть в своей антисоветской работе к наиболее острым формам борьбы с советской властью»²⁷.

Спустя тридцать лет аналитики Комитета государственной безопасности во главе с заместителем председателя КГБ СССР В.М. Чебриковым повторили эту оценку молодежи как наиболее «неустойчивой» и подверженной «чуждым влияниям» части советского населения. Описывая Советский Союз периода 1970-х годов, они утверждали: «Основные усилия враждебные элементы направляли на антисоветскую агитацию и пропаганду среди своих единомышленников и неустойчивых в политическом отношении граждан, создание нелегальных антиобщественных групп, пополнение этих групп за счет вовлечения в них политически незрелых советских людей, особенно из числа молодежи»²⁸. Поскольку «церковники и сектанты», наряду с «националистами» и прочими «антисоветскими элементами» составляли, по утверждению все того же В.М. Чебрикова, «главную среду, на которую противник в первую очередь ориентируется при организации антисоветских акций в стране»²⁹, власть крайне негативно относилась к любым формам организации религиозной молодежи, в первую очередь из числа «нелегальных» протестантов.

Алармистская записка, направленная А.И. Барменковым в ЦК КПСС, беззастенчиво эксплуатировала эту фобию организованной антисоветской молодежной деятельности, так как «Добрый Самарянин» существовал только на бумаге, в виде анонимного устава. Зато такой ракурс сообщения позволял руководству Совета по делам религий акцентировать внимание ЦК КПСС на крайне неблагоприятной, с его точки зрения, ситуации, которая сложилась в деле атеистического воспитания детей и молодежи из семей сторонников СЦ ЕХБ. «Специальная работа» религиозных диссидентов среди подростков описывалась в записке следующим образом: «Организуют областные и межобластные „общения“ юношей и девушек, т. н. „вечера любви“, концертно-театра-

²⁷ Директива НКГБ СССР № 12 «Об усилении агентурно-оперативной работы по разработке антисоветского элемента среди молодежи и вскрытых в 1943–1944 гг. враждебных организациях и группах». М., 1945. С. 1 (Издана для специального пользования в виде брошюры).

²⁸ История советских органов государственной безопасности: учебник / под ред. В.М. Чебрикова и др. М., 1977. С. 545.

²⁹ Чебриков В.М. Борьба органов КГБ с идеологической диверсией империалистических государств в современных условиях... С. 162.

лизированные представления, привлекают молодых верующих к активной проповеди Евангелия, изготовлению и распространению религиозной литературы и т. д. Сектантские вожаки [также] стремятся оказать свое влияние на сектантскую молодежь зарегистрированных обществ ЕХБ, внушают молодым людям мысль об их особой миссии „борцов за веру отцов“ и „спасения грешников“»³⁰.

Активное участие детей и молодежи из семей верующих в религиозной жизни баптистских объединений во многом являлось результатом практики группового преподавания вероучения детям в различного рода «воскресных школах» и «библейских кружках». Согласно советскому законодательству о культах, граждане не могли обучать и обучаться религии только частным образом и только в индивидуальном порядке. Родители или опекуны могли учить своих детей религии лично сами у себя на дому. Любая форма группового обучения вероучению несовершеннолетних однозначно и безоговорочно рассматривалась как нарушение закона и каралась как в административном, так и в уголовном порядке. Так, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г., административному наказанию подлежали организация и проведение служителями культа и членами религиозных объединений «специальных детских и юношеских собраний», а также «трудовых, литературных и иных кружков и групп, не имеющих отношения к отправлению культа»³¹. В свою очередь статья 142 УК РСФСР («Нарушения законов об отделении церкви от государства и школы от церкви») позволяла судить на срок до трех лет лишения свободы за «организацию и систематическое проведение занятий по обучению несовершеннолетних религии»³².

³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 141. Л. 56.

³¹ Цит. по: Сборник нормативных актов и справочных материалов для оперативных работников КГБ. М., 1968. С. 236. В сборнике представлен набор документов о государственной религиозной политике, с которыми должен был быть знаком рядовой оперативник КГБ в конце 1960-х годов, а именно: Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви (23.01.1918), выдержка из Конституции СССР, постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» (8.04.1928), Положение о Совете по делам религий при Совете Министров СССР (10.05.1966) и Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах» (18.03.1966).

³² В соответствии с указом Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении дополнений в статью 142 Уголовного кодекса РСФСР» от 18 марта 1966 г., в этой статье, которая ранее предусматривала наказание в виде исправительных работ на срок до одного года или штрафа в размере до 50 рублей, вводилось ужесточение: «те же деяния, совершенные лицом, ранее судимым за нарушение законов

Однако эти карательные меры оказались слабым инструментом, не способным принудить верующих отказаться от группового обучения детей религии. В этом в значительной степени была виновна практика правоприменения законодательства о культах в брежневский период. Наиболее сильнодействующее средство — уголовное осуждение верующих — не применялось, как правило, только за какой-либо один вид нарушений. Чтобы оказать ся на скамье подсудимых, пресвитеру или проповеднику общины «инициативников», не говоря уже о рядовых верующих, следовало обратить на себя внимание властей комплексом действий из следующего перечня: игнорирование требования регистрации религиозной деятельности, проведение нелегальных молитвенных и прочих собраний, распространение и использование религиозного «самиздата», участие в «клеветнических» обращениях в органы власти, а также организация религиозного образования и воспитания детей и юношества. Причем при принятии решения о применении уголовной ответственности решающее значение имело именно обвинение в организации религиозных школ и кружков, а сам факт совершения «преступления» должен был быть зарегистрирован неоднократно. Другими словами, самые высокие шансы оказаться в лагере имели пресвитеры и проповедники общин СЦ ЕХБ, в которых, невзирая на многократные предупреждения и административные наказания со стороны власти, широко практиковалось групповое религиозное образование детей и молодежи.

Этот вывод подтверждают практически все известные нам судебные дела, закончившиеся в Сибири осуждением баптистов и меннонитов — сторонников СЦ ЕХБ. Вероятно, первым судебным процессом, на котором в Сибири судили баптистов-«раскольников», являлся процесс над руководителями и активистами Барнаульской общины СЦ ЕХБ Д. В. Миняковым, Г. Д. Лебедевым, А. А. Штерцером и Ю. И. Михальковым. Верующие были осуждены 10 мая 1963 г. приговором Алтайского краевого суда по ст. 227 УК РСФСР³³ к разным срокам заключения «за организацию неле-

об отделении церкви от государства и школы от церкви, а равно организационная деятельность, направленная к совершению этих деяний», карались теперь лишением свободы сроком до трех лет, что давало возможность надолго изолировать активистов «инициативного движения». См.: Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР / под ред. Б. С. Никифорова. М., 1964. С. 304; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 124.

³³ Ст. 227 УК РСФСР, которая предусматривала лишение свободы на срок до пяти лет за «посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов», широко использовалась в годы хрущевской антирели-

гальной группы баптистов». В качествеотягчающего обстоятельства в приговоре фигурировало «вовлечение в нее [группы] несовершеннолетних»³⁴. Вслед за ними в декабре 1963 г. были осуждены «руководители раскольнической баптистской группы в р. п. Кулунда» Субботин и двое братьев Хмара. 13 октября 1965 г. прокуратурой Алтайского края было возбуждено уголовное дело против активистов барнаульской общины СЦ ЕХБ В. Н. Руденко, П. Я. Янца, А. А. Гизбрехта и О. Ф. Шнагаткиной. Всем им инкриминировалось организованное обучение детей религии «в так называемых воскресных школах». 11 января 1966 г. прокуратурой Хабарского района Алтайского края было возбуждено уголовное дело в отношении П. Я. Берга, И. М. Эннса, П. П. Левена, М. П. Ниссена и Е. П. Варкентина по ст. 227 УК РСФСР. Меннониты обвинялись в том, что организовали в селах Орлово и Александровка Хабарского района воскресные школы, «в которые путем принуждения и другими способами вовлекались дети дошкольного возраста»³⁵. 21 апреля 1967 г. в Барнауле по ст. 142 УК РСФСР к разным срокам заключения (от года до трех лет) были осуждены пресвитер барнаульской общины СЦ ЕХБ Я. Я. Биль и «активисты» общины П. И. Гиберт, Я. А. Паульс, Л. А. Нейфельд, Л. Г. Штерцер, А. Я. Дик и В. О. Ловкайтис. Им инкриминировалось, помимо прочего, создание детской воскресной школы, детского хора, а также изготовление в массовом количестве духовной литературы для детей³⁶. В 1968 г. Алтайским краевым судом за «нелегальное обучение детей религии» к трем годам лишения свободы каждая были приговорены Вацлава Ловкайтис и Лидия Нейфельд. В следующем году по аналогичному обвинению был арестован и осужден на три года брат Лидии, Д. А. Нейфельд (Пивнев), пресвитер Кулундинской общины и член руководства СЦ ЕХБ³⁷. 30 августа 1974 г. Омским областным судом были осуждены проповедник общины меннонитов д. Миролубовка Москаленского района

гиозной кампании для борьбы с «религиозниками». Но, поскольку, именно с ее помощью осуществлялось хрущевское «администрирование» в борьбе с религией, то статья была признана в новых политических условиях не совсем адекватным инструментом в деле борьбы с религией, тем более что основной упор в ст. 227 делался на причинении вреда здоровью граждан лицами и группами, для которых религия являлась «лишь прикрытием общественно опасной деятельности». В результате, начиная с 1966 г., советские суды предпочитали использовать в отношении религиозных диссидентов ст. 142 УК РСФСР.

³⁴ Приговор был отменен в 1965 г. Президиумом Верховного Суда СССР на волне «брежневского поворота» в государственной религиозной политике.

³⁵ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 37. Л. 185–188.

³⁶ Приговор суда см.: ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 58. Л. 31–39.

³⁷ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 99. Л. 1–36.

И. Ф. Тевс и активисты общины Я. Я. Эннс и П. Г. Адриан³⁸, 30 июля 1975 г. — руководители общины братских меннонитов г. Исилькуль Я. Д. Кригер и А. И. Лаукерт. Все перечисленные обвинялись в «систематическом обучении детей религии», кроме того, у Кригера и Лаукерта было изъято «большое количество литературы религиозного содержания, картотек, предназначенных для организованного обучения детей религии»³⁹.

14 мая 1981 г. к пяти годам с конфискацией имущества были осуждены руководители нелегальной общины братских меннонитов с. Апполоновка Исилькульского района И. А. Валл и Я. Ф. Дирксен, к четырем годам лагерей — активистки общины Е. А. Панина и М. П. Тевс. В приговоре суда говорилось: «Валл и Дирксен организовали систематическое обучение детей и подростков религии, занятия проводят сами и привлекают для этой цели активных членов секты, как-то Панину и Тевс. Обучение детей религии проводится как на специально созданных занятиях, или на общих собраниях, где дети сидят отдельно, они выступают перед взрослыми с пением и декламацией»⁴⁰. 28–29 июля 1981 г. в р. п. Марьяновка Марьяновского района Омской области состоялся судебный процесс по делу проповедников нелегальной общины СЦ ЕХБ Н. М. Дикмана и А. Е. Лавренца. Верующие были осуждены на условные сроки за систематические нарушения законодательства о культах, в том числе — обучение детей религии. Судебный процесс был проведен с большим резонансом — на заседаниях в качестве зрителей присутствовало около 400 «трудящихся», репортажи о суде подготовила районная и областная пресса и областное телевидение⁴¹.

О том, что обвинение в групповом обучении детей религии в подавляющем большинстве случаев гарантировало уголовное осуждение, свидетельствует также отрывочная статистика уголовных преследований верующих. Так, по неполным данным Совета по делам религий, в течение только 1973 г. в СССР к уголовной ответственности было привлечено 65 «сектантских вожаков», а различные административные меры применены по меньшей мере к 800 «нарушителям». Деятельность «библейских» школ, кружков

³⁸ Кроме того, имеются сведения о том, что в 1972–1974 гг. были осуждены «главари» незарегистрированных групп братских меннонитов Исилькульского и Москаленского районов Омской области И. А. Валл, И. Я. Винс, Я. Ф. Дерксен, Пеннер и Фаст.

³⁹ Приговор суда см.: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 992. Л. 13–17.

⁴⁰ Приговор суда см.: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2105. Л. 30–35.

⁴¹ Приговор суда см.: Там же. Л. 43–47.

для молодежи и детей была пресечена в этом же году примерно в 10–12 краях и областях. Причем уголовная ответственность применялась в первую очередь именно к организаторам религиозных школ: «прежде всего за эти деяния, — утверждалось в отчете Совета по делам религий, — были привлечены к уголовной ответственности некоторые сектантские вожаки в Краснодарском, Красноярском и Ставропольском краях, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Ворошиловградской, Крымской, Хмельницкой, Гомельской, Минской областях»⁴².

Учитывая повсеместный характер нарушений общинами СЦ ЕХБ запрета на групповое обучение религии, следует признать цифры осужденных сравнительно низкими. Такая правоприменительная практика являлась отражением специфики государственной карательной политики брежневского образца. Выступая 26 мая 1977 г. на семинаре представителей органов безопасности социалистических стран с докладом «по вопросам борьбы с идеологической диверсией противника», заместитель председателя КГБ В. М. Чебриков поделился с коллегами следующей секретной информацией: по состоянию на 10 мая 1977 г. в «исправительно-трудовых учреждениях» СССР содержалось 122 человека, «осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду»⁴³. Объясняя столь небольшие цифры «политических заключенных», В. М. Чебриков заявил: «Мы рассматриваем меры репрессивные как меры крайние. КГБ исходит из того, что эти меры должны применяться [только] тогда, когда испробованы все другие способы предотвращения нежелательных проявлений и действий»⁴⁴. При этом в качестве «основного средства предотвращения враждебной деятельности антисоветских элементов», наряду с «агентурным аппаратом», было призвано выступить так называемое «профилактирование» в виде предварительных бесед и предупреждений в адрес потенциальных «антисоветчиков» со стороны КГБ.

Действительно, период нахождения у власти Л. И. Брежнева характеризовался самыми низкими показателями деятельности карательного аппарата в СССР в отношении «антисоветских элементов». Если при Н. С. Хрущеве в 1956–1964 гг. за антисоветскую пропаганду и агитацию в среднем ежегодно осуждалось 636 человек, то при Брежневе в 1965–1982 гг. этот же показатель составил

⁴² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 115. Л. 167.

⁴³ Чебриков В. М. Борьба органов КГБ с идеологической диверсией империалистических государств в современных условиях... С. 154.

⁴⁴ Там же. С. 156–157.

115 человек⁴⁵. Речь здесь идет о репрессиях в отношении так называемых «антисоветчиков» и диссидентов, мнимых и реальных противников коммунистического режима, осужденных по ст. 70 («антисоветская агитация и пропаганда») УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов союзных республик. Например, за первое полугодие 1980 г. органами КГБ было привлечено к уголовной ответственности 243 человека, из них за особо опасные государственные преступления — 59 человек (в том числе 18 человек — за измену Родине), 40 активных антисоветчиков и 94 контрабандиста и валютчика⁴⁶. Само собой разумеется, эта статистика не охватывает весь масштаб политических репрессий. Так, религиозные диссиденты осуждались по ст. 142 и 227 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов союзных республик, и их число было сопоставимо с числом осужденных «антисоветчиков»⁴⁷. Известна также практика, когда политических противников режима судили по «уголовным» статьям или помещали на принудительное психиатрическое лечение. И, тем не менее, приведенная выше статистика адекватно отображает общую тенденцию: органы государственной безопасности все в большей степени заменяли репрессивные практики «профилактированием».

Обе стороны конфликта прекрасно осознавали, насколько крупной была ставка на кону. Для власти «омоложение» общин за счет детей из семей верующих ставило крест на теории «естественного угасания» религиозной жизни в СССР, согласно которой основной контингент верующих составляли «темные люди» преклонного возраста, со смертью которых «религиозный вопрос» в обществе победившего социализма будет решен в недалеком будущем раз и навсегда. Верующие в свою очередь понимали, что без смены в лице молодого поколения их церковь обречена на гибель, вера — на забвение. Кроме того, отказываясь от преподавания детям вероучения, родители считали, что они совершают тяжкое преступление перед потомством, лишая его путеводных библейских истин и надежды на спасение. Заявление И. Е. Янце-на, проповедника меннонитской общины с. Апполоновка Омской области, может рассматриваться как кредо религиозных дисси-

⁴⁵ Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг.: рассекреченные документы Верховного Суда и Прокуратуры СССР. М., 2005. С. 36.

⁴⁶ РГИА. Ф. 89. Оп. 51. Д. 4. Л. 2–3.

⁴⁷ За 1961 — первую половину 1964 г. в СССР по этим статьям было осуждено 806 «религиозников», тогда как количество осужденных «антисоветчиков» за 1961–1964 гг. составило 1052 человека. См.: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 173. Л. 187.

дентов: «Нас никто не заставит отказаться от обучения и воспитания детей в духе божьем. Как родители, мы в ответе перед богом за них, потому ни вы (т. е. органы власти), никакие правительственные положения для нас не могут быть обязательными. Свои обязанности перед детьми и богом мы знаем, и будем следовать заповеди. Мы совершим непростительное прегрешение, если отступим от детей, оставим их без молитвы и наставлений на путь в царствие небесное»⁴⁸.

В результате требование легализовать организованное религиозное воспитание детей стало одним из основных условий, наряду с официальным признанием СЦ ЕХБ, изменения отношения «инициативников» к проблеме государственной регистрации общин. Верующие не без основания полагали, что, соглашаясь на регистрацию, они тем самым берут на себя обязательство, ограничиться в деле религиозного воспитания детей лишь индивидуальным родительским наставлением. Уполномоченный Совета по делам религий по Омской области, описывая ситуацию в меннонитских общинах, констатировал в июле 1975 г.: «Поведение вожаков этих общин — демонстративное, с выраженным национализмом. Дети и молодежь, борьба за них, специальное обучение религии, воспитание их в духе ненависти к атеистической действительности — деятельность, решительно пресекаемая советским законодательством о культах — обоснование и мотивы к уходу их от регистрации»⁴⁹. Даже в тех общинах СЦ ЕХБ, которые демонстрировали свою готовность к компромиссу с властью, требование свободного группового обучения детей и подростков оставалось камнем преткновения. Так, в апреле 1983 г. руководитель общины СЦ ЕХБ с. Некрасово Славгородского района Гергард Варкентин заявил уполномоченному Совету по делам религий, что «против регистрации возражений нет», если наряду с разрешением регистрироваться именно в качестве общины СЦ ЕХБ, а также вести миссионерскую деятельность, верующие получают право организовывать обучение детей религии⁵⁰.

Вопрос группового обучения несовершеннолетних религии приобретал дополнительную остроту, учитывая ситуацию, сложившуюся вокруг пребывания детей и подростков на молитвенных собраниях. Советское законодательство о культах не запрещало присутствие несовершеннолетних на богослужениях и не рассматривало пассивное участие в молитвенных собрани-

⁴⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 115. Л. 183.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 790. Л. 65–69.

⁵⁰ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 240. Л. 8–10.

ях как уголовно наказуемое «вовлечение в религиозную группу». Противозаконным было непосредственное участие детей и подростков в самом процессе богослужения, в том числе в составе хора или оркестра. Однако даже этот разрешенный минимум — посещение молитвенного собрания подростками и детьми в сопровождении родителей — расценивался властями как крайне вредный. Учитывая, что советское законодательство о культах в своей массе было секретным, включая постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., местные административные комиссии нередко в нарушение закона штрафовали родителей лишь за то, что те привели детей вместе с собой на богослужение. В свою очередь уполномоченные Совета по делам религий добивались от взрослых верующих лояльных общин «добровольного» обязательства, не брать с собой детей на молитвенные собрания. Так, в 1972 г. властями была зарегистрирована община меннонитов с. Гляден Благовещенского района Алтайского края. После регистрации меннониты приняли решение, «детей на молитвенные собрания не брать и школьному воспитанию не мешать»⁵¹. Такое отношение властей даже к узаконенному присутствию детей на молитвенных собраниях лишь укрепляло религиозных диссидентов в своем стремлении, создавать воскресные школы несмотря ни на что.

В итоге организованное религиозное воспитание молодежи стало «визитной карточкой» баптистов-«инициативников». Председатель КГБ СССР В.Е. Семичастный, информируя 7 декабря 1966 г. ЦК КПСС о результатах суда над «вожаками» Совета Церквей Г.К. Крючковым и Г.П. Винсом, в качестве одной из главных задач СЦ ЕХБ назвал «создание воскресных детских школ»⁵². Материалы Совета по делам религий и отчеты его уполномоченных за все 18 лет нахождения Л.И. Брежнева у власти содержат множество фактов, свидетельствующих о деятельности нелегальных религиозных школ. Так, в отчете перед ЦК КПСС за 1973 г. Совет по делам религий констатировал, что в Славгородском, Кулундинском, Табунском и Хабаровском районах Алтайского края в меннонитских общинах сторонников СЦ ЕХБ действовали «особые детские школы», в которых была введена поэтапность обучения с учетом возрастных возможностей и психологии обучаемых. Все дети были разбиты на четыре группы — дошкольную, детскую, подростковую и молодежную. Последнюю, например, посе-

⁵¹ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 221. Л. 1–12.

⁵² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 366. Л. 201

щали ученики 8–10 классов, их учили умению вести диспуты, преподавали основы проповедничества, в группе действовали кружки фото, музыки, пения, звукозаписи и художественного оформления⁵³.

Спустя год, в июне 1974 г., Уполномоченный Совета так описывал ситуацию с религиозным обучением детей в меннонитской общине с. Полевое Хабаровского района: «Главная причина оппозиции сектантов к законодательству о культах — религиозное обучение детей. Служителей культа только семейное воспитание не удовлетворяет. Они всеми мерами пытаются возродить общинные детские школы, перенимая отдельные методы у отколовшихся баптистов. Полевская община братских меннонитов регулярно проводит т. н. „библейский час“ по возрастным группам верующих, организует подготовку детей и подростков на молитвенных собраниях. С этой целью для детей и небольшого числа родителей богослужения проводятся отдельно от взрослых и пожилых верующих. Здесь дети сами обеспечивают церковную службу, получают религиозные навыки, коллективно укрепляются в вере»⁵⁴.

Составить представление о том, как проходило типичное занятие в нелегальной воскресной школе и как верующие реагировали на действия властей, позволяет акт о проведении незаконных занятий детской воскресной школы, составленный 12 марта 1978 г. работниками Орловского сельского совета Хабаровского района Алтайского края. В этот воскресный день два учителя местной школы во главе с председателем сельсовета А. Ф. Регером обнаружили в доме Марии Вейс 19 детей, учеников 1–5 классов, с которыми проводили занятия шестеро взрослых. Занятие началось с объяснения нового материала и закрепления изученного, после этого «была спета песня на русском языке, где восхвалялся Бог, жизнь в раю и прелести жизни с Богом». Далее каждый ребенок наизусть читал Библию и отвечал на заданные вопросы. По окончании занятий детям были розданы листки с выдержками из Библии. На замечание председателя сельсовета о незаконности групповых занятий, М. П. Рихерт ответила, что «это все наши дети, и мы их будем учить, как захотим». Все взрослые, как «учителя», так и хозяйева дома, отказались от подписания составленного акта об административном правонарушении⁵⁵.

И местные, и центральные органы власти в подавляющем большинстве случаев были прекрасно осведомлены о ситуации,

⁵³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 115. Л. 183.

⁵⁴ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 66. Л. 34–40.

⁵⁵ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 217. Л. 48–49.

но не могли переломить ее. Ощущение того, что власть проигрывала на этом участке «антирелигиозного фронта», явно присутствует в том числе в обращении председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова в ЦК КПСС от 13 августа 1979 г. Андропов просил руководство партии рассмотреть проект постановления ЦК КПСС о мерах по усилению атеистической пропаганды и воспитательной работы с детьми верующих, подготовленный КГБ⁵⁶. Судя по тому, что такое постановление так и не было принято, ЦК КПСС решил не будировать специально эту проблему, предпочитая решать ее в порядке повседневной рутины.

Однако органы прокуратуры и внутренних дел на местах зачастую пасовали перед «своенравным упрямством» верующих и предпочитали закрывать глаза на факты нарушения законодательства о культах. Вот как описывал уполномоченный Совета по Алтайскому краю в июле 1984 г. ситуацию все в том же Хабаровском районе, где по данным председателей сельских Советов и секретарей партийных организаций, воскресные школы функционировали во всех без исключения религиозных объединениях, стоявших на позициях СЦ ЕХБ: «<...> встречаются отдельные факты примиренческого отношения к противозаконной деятельности религиозных экстремистов. <...> нарушения законодательства о религиозных культах не документируются, материалы на противозаконную деятельность отдельных руководителей и авторитетов не накапливаются. Достаточно сказать, что за шесть месяцев текущего года ни один из организаторов-экстремистов не был привлечен к административной ответственности за нарушение требований законодательства о религиозных культах. Не определили своего места в данной работе правоохранительные органы. <...> Пассивную позицию занимает и районный прокурор. <...> прокурором, например, оставлены без внимания конкретные материалы о деятельности детских воскресных школ и других грубейших нарушениях законодательства о религиозных культах. Работниками отдела внутренних дел, прокуратуры не используется такая предоставленная им законом возможность, как вынесение официального предостережения злостным нарушителям законодательства о культах»⁵⁷.

Таким образом, деятельность «воскресных школ» была для участников конфликта «секретом Полишинеля», но власти не смогли привести убедительного контраргумента, способного

⁵⁶ См.: РГАНИ. Картоoteca документов Общего отдела ЦК КПСС.

⁵⁷ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 300. Л. 15–20.

противостоять рутинной ежедневной работе верующих и их готовности «пострадать» за дело Божье. Что же касается административных штрафов и относительно редких фактов уголовных наказаний, то они зачастую только укрепляли решимость религиозных диссидентов. Так, по оценке уполномоченного Совета по делам религий по Омской области, после осуждения в начале 1970-х годов Пеннера, Фаста, Дирксена и Валла, «вожаков» нерегистрированных меннонитских общин сел Апполоновка и Пучково Исилькульского района и Мирюлюбовка Москаленского района Омской области, деятельность общин по религиозному воспитанию детей «не только не ослабела, а еще больше усилилась», в то время как «нарушители советского законодательства о культах, справедливо понесшие наказание», стали выглядеть в глазах населения «святыми мучениками за веру»⁵⁸.

Казалось бы, в противостоянии по вопросу религиозного обучения юношества на стороне власти был союзник, способный переломить ситуацию за счет повседневной рутинной работы с детьми из семей верующих. Речь идет о советской светской школе, обучение в которой являлось обязательным. Однако этого не случилось. Возможно, у общеобразовательной школы был шанс конкурировать с влиянием родителей, если бы школа не воспринималась семьями верующих как враждебная территория. По понятным причинам, педагогический персонал школ занимал по отношению к детям «религиозников» воинствующую позицию, стремясь всячески их «перевоспитать» и «вырвать» из-под реакционного влияния семьи. Нередко, особенно в 1960–1970-е годы, учителя по поручению «компетентных органов» даже предпринимали попытки получать от детей информацию о деятельности общины, в первую очередь — о времени и месте нелегальных молитвенных собраний. В 1965 г. «инициативники» в заявлении на имя председателя Алтайского крайисполкома так описывали эти действия: «Учителя после уроков изнурительно по 3–4 часа держат детей, вымогают из них [сведения] о местах посещения собраний родителей, заставляя давать об этом официальные подписи»⁵⁹. О том, что эта практика была широко распространена, косвенно свидетельствует выписка из плана уполномоченного Совета по делам религий по Алтайскому краю «по усилению контроля за деятельностью группы меннонитов с. Хорошее Табунского района» на 1973 г. В ней говорилось о необходимости «избегать

⁵⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 115. Л. 183.

⁵⁹ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 73. Л. 111–112.

фактов <...> использования школ для проведения судебно-следственных мероприятий административными органами»⁶⁰.

Ситуацию понятным образом «подогревала» позиция родителей, запрещавших детям вступать в детские и юношеские коммунистические организации как в несовместимые с евангельским учением, а также весьма прохладное отношение верующих к общественной внешкольной деятельности и досугу, в том числе в виде просмотра телепередач, посещения театров и кино. Топорная организация атеистической деятельности в школах приводила к обратному от желаемого результату. Уполномоченный Совета по делам религий по Алтайскому краю констатировал в 1967 г.: «<...> педагогические коллективы некоторых школ до сих пор не нащупали путей и форм расширения своего влияния на верующих родителей и учащихся. Вместо того, чтобы привлечь детей к жизни школы, сблизить их со всем школьным коллективом, вырвать из-под влияния фанатиков-родителей, в отдельных школах до сих пор верующие дети подвергаются насмешкам, а это лишь способствует тому, что они отдаляются от коллектива, замыкаются в себе, вырабатывают иммунитет сопротивления. А некоторые учителя не только не способствуют укреплению влияния детского коллектива на верующих учащихся, но своими неправильными репликами, вопросами или замечаниями порой добиваются обратного — разделения детей и изоляции верующих. Иногда даже способствуют превращению их в страдальцев за веру. В г. Славгороде, например, детей отправляли домой, если они не носят пионерский галстук или звездочку октябренька, на ст. Павлиха силой пытались повести детей в кино, а поскольку они отказывались, то держали по несколько часов в углу»⁶¹.

Вопросом, непосредственно связанным с религиозным воспитанием детей и юношества, был вопрос о службе в Советской армии молодых людей из числа «инициативников». Пацифизм, который проповедовали протестанты, являлся в 1920-е годы главным камнем преткновения в их взаимоотношениях с Советской властью. Однако уже в 1930-е годы, в результате целенаправленной государственной политики, все основные протестантские церкви признали службу в Красной армии обязательной для своих последователей. В годы Великой Отечественной войны случаи отказа протестантов от службы в армии с оружием в руках были редким явлением. Поэтому возрождение пацифистских настрое-

⁶⁰ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 43. Л. 46 об.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 81. Л. 1–6.

ний в протестантской среде, в первую очередь среди меннонитов и части адвентистов (так называемых адвентистов-реформистов), стало в хрущевский период полной неожиданностью для уполномоченных Совета по делам религиозных культов и их начальства. Об этом наглядно свидетельствуют те рекомендации, которые получил в августе 1956 г. уполномоченный Совета по Омской области Л. Серебренников в ответ на свое сообщение о том, что «некоторые группы баптистов, действующие в районах Омской области, ведут пропаганду против защиты Родины с оружием в руках». Серебрякову рекомендовалось лично проверить эти сведения. «В порядке ориентировки» Совет сообщил своему уполномоченному такие справочные сведения о меннонитах, как например: «меннониты были строгие антивоенники и отрицали присягу и воинскую службу, защиту Родины с оружием в руках»⁶².

Возрождение пацифизма среди протестантов, в первую очередь среди приверженцев СЦ ЕХБ, проходило в послевоенное время медленно и далеко не в тех масштабах, как в период нэпа. Насколько позволяют судить имеющиеся в нашем распоряжении документы, уполномоченные Совета по делам религий стали регулярно фиксировать пацифистские настроения среди призывников из числа «инициативников» примерно с середины 1970-х годов. Такая датировка вполне объяснима, если принять во внимание тот факт, что в общинах должно было вырасти новое поколение, являвшееся убежденным сторонником борьбы за религиозные свободы.

Поскольку пацифистски настроенная баптистская молодежь, как правило, не отказывалась от службы в Советской армии, главным маркером эффективности атеистической пропаганды в общеобразовательной школе являлся факт принятия присяги или, соответственно, отказа от присяги. Так, в июне 1976 г. уполномоченный Совета по делам религий по Алтайскому краю в своем информационном отчете о меннонитах — сторонниках СЦ ЕХБ из р. п. Благовещенка — отмечал, что «за 1975–1976 гг. среди верующих [было зафиксировано] три случая отказа принимать присягу»⁶³. Отказ от присяги воспринимался уполномоченными как закономерный итог «зловредного» религиозного воспитания, выражавшегося в отказе от членства в детских и юношеских коммунистических организациях, а также в игнорировании общественной жизни. Так, в уже упоминавшемся приговоре суда

⁶² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 783. Л. 142.

⁶³ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 216. Л. 18.

в отношении руководителей нелегальной общины братских меннонитов с. Апполоновка Исылкульского района от 18 мая 1981 г., была выстроена следующая логическая цепочка: «Под предлогом исполнения религиозных обрядов Валл и Дирксен, Панина и Тевс понуждают детей и подростков к отказу от вступления их в детские и юношеские организации, в результате чего 96 человек, учащихся 4–10 классов Апполоновской школы, не являются октябрятами, пионерами, комсомольцами. Детям запрещено посещать кино, смотреть телевизор и т. д. Под воздействием данной работы член Апполоновской общины Паульс И. И., будучи призванным в ряды Советской армии, отказался принимать военную присягу по религиозным убеждениям»⁶⁴.

Начиная с конца 1970-х годов «пацифистский» вопрос снова стал составной частью дискурса общения между верующими и руководящими органами советского государства. В 1978 г. меннониты — сторонники СЦ ЕХБ из пос. Кулунда Кулундинского района Алтайского края — адресовали в ЦК КПСС два коллективных заявления с требованием освободить «инициативников» Г. Н. Харченко и А. А. Каляшина, осужденных «за отказ от исполнения обязанностей по военной службе»⁶⁵. В октябре 1979 г. заявление аналогичного содержания было подписано и отправлено на имя Л. И. Брежнева 42 меннонитами — верующими общины с. Редкая Дубрава Славгородского района Алтайского края. Они просили прекратить уголовное преследование в отношении «единоверца, юного брата» А. А. Савина, который был осужден за отказ от принятия присяги. В обращении меннонитов приведена аргументация, которую можно рассматривать как определенное кредо СЦ ЕХБ в «военном вопросе»: «Ведь присяга, клятва — это дело совести человека и тут никто не имеет права вмешиваться. Принуждение к даче присяги есть ничто иное, как насилие над свободной совестью. Пора прекратить рассматривать отказ [от] присяги верующих в Бога, как уклонение от воинской службы. Верные Богу всегда готовы трудиться, а не идти на сделку с совестью. И сам факт осуждения верующих в бога за недачу присяги есть один из способов разжигания религиозной ненависти»⁶⁶. Авторы письма подчеркивали, что верующие, в том числе и А. А. Савин, отказывались лишь от присяги, но не от несения самой армейской службы.

Дополнительную аргументацию верующие черпали в актах Хельсинских и других международных соглашений, подписан-

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2105. Л. 30–35.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1366. Л. 86.

⁶⁶ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 274. Л. 20–21.

ных Советским Союзом. В частности, ссылаясь на восьмую статью «Международного пакта о гражданских и политических правах», согласно которой «никто не должен принуждаться к принудительному или обязательному труду», «баптисты-раскольники», как сообщал уполномоченный Совета по делам религий по Алтайскому краю, «под этим предлогом считают возможным уклоняться от службы в армии»⁶⁷.

Однако в условиях брежневской «Little Deal»⁶⁸, которая продолжала действовать и после смерти Л. И. Брежнева, вопрос о принятии верующими присяги так и не приобрел той остроты, которую можно было бы ожидать. Во многом свою роль здесь сыграла позиция армейского начальства, предпочитавшего в большинстве случаев не доводить дела до конфликта. В результате уголовное преследование за отказ от принятия присяги являлось скорее исключением, чем правилом. Верующих предпочитали отправлять на службу в строительные части Советской армии (стройбат), командование которых, будучи хорошо осведомлено о выгодах «приобретения» непьющего и работающего пополнения, не настаивало на принятии присяги. Напротив, молодых баптистов нередко ставили в пример остальным военнослужащим, командиры поощряли их, охотно предоставляли краткосрочные отпуска и т. д. Более того, военное начальство во избежание осложнений было даже готово на какое-то время отложить призыв верующих, заявивших об отказе давать присягу еще в райвоенкомате, в ходе призывной комиссии.

Так, в Хабаровском районе Алтайского края, где к середине 1980-х годов насчитывалось около 700 «инициативников» и около 200 детей школьного возраста были «подвержены религиозному

⁶⁷ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 271. Л. 10–14.

⁶⁸ Американский политолог и экономист Джеймс Миллар предложил в 1985 г. использовать концепт «Маленькой сделки» (Little Deal для анализа так называемого брежневского «застоя» как итога длительного процесса коадаптации советского политического режима и общества. Главным условием «маленькой сделки», в интерпретации Миллара, стал отказ государства от политических репрессий и гарантирование населению социальной безопасности и определенного уровня благосостояния. В свою очередь граждане демонстрировали свою лояльность власти, не подвергая открытому сомнению официальные догмы. Термин «Маленькая сделка» отталкивается от теоретической модели «Большой сделки» (Big Deal). Именно так В. Данэм (Vera S. Dunham) охарактеризовала в 1976 г. компромисс, заключенный между сталинским государством и новой функциональной элитой. Целью этого компромисса было удовлетворение растущих материальных потребностей советских элит. См.: *Millar J. R. The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism* // *Slavic Review*. 1985. Vol. 44. P. 697–698.

влиянию», за 1983–1984 гг. об отказе от принятия воинской присяги заявили на призывной комиссии десять молодых меннонитов. Районный военный комиссариат, ссылаясь на отсутствие нарядов из частей, куда можно было бы направить верующих, отложил их призыв в ряды Советской армии. «Несомненно, подобная уступка в вопросе выполнения конституционного требования защиты Отечества на руку экстремистски настроенным руководителям религиозных объединений, невольно способствует увеличению количества отказов от принятия воинской присяги со стороны сектантской молодежи» — констатировал уполномоченный Совета по Алтайскому краю. Чтобы избежать такого положения впредь, Алтайскому краевому военному комиссариату в марте 1985 г. было дано указание, «проанализировать состояние дел в данном отношении по каждому району, городу, своевременно выделять райгорвоенкоматам наряды для призыва сектантской молодежи и направления ее для прохождения службы в соответствующих войсках»⁶⁹. В годы перестройки уполномоченные Совета продолжали фиксировать случаи отказа баптистской молодежи от присяги, причем с тревогой констатировали, что если раньше вопрос о принятии присяги считался частным делом каждого молодого верующего, то теперь все чаще раздавались заявления молодых людей «из сектантских образований экстремистской ориентации» о принципиальной несовместимости веры и принятия присяги.

В декабре 1983 г. уполномоченный Совета по Алтайскому краю А. П. Седешов писал об общинах сторонников СЦ ЕХБ: «Их незаконные сборища проводятся десятками лет, они численно растут, калечат души людей, духовно растлевают наше подрастающее поколение, функционируют детские воскресные религиозные школы, хоры, оркестры. Не случайно в таких сектантских религиозных группах до 60 процентов молодежи до 30 лет. На местах же, по существу, поразительное равнодушие или бессилие. А если делается что-то, то робко, с оглядкой, нерешительно»⁷⁰. Эта картина фактического поражения, которое власть потерпела в борьбе за молодежь, нарисованная накануне перестройки черными красками, в целом соответствовала действительности. Религиозным диссидентам удалось переиграть своего оппонента, причем в жизненно важной сфере обеспечения континуума духовной преемственности. Рецепт победы был довольно прост — верующие отцы и мате-

⁶⁹ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 271. Л. 34–40.

⁷⁰ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 292. Л. 65–67.

ри, дедушки и бабушки искренне и сообща действовали в интересах своих детей, так, как они их понимали, не считаясь с возможными негативными последствиями для себя лично. В этой ситуации государственная машина, ограниченная в своих репрессивных функциях «социалистической законностью», спасовала перед приватным «семейным миром» инакомыслящих.

Р. Пайпс, анализируя неудачи дореволюционного российского общества в борьбе с авторитарным государством за политические свободы, в свое время писал: «Борьба за политические вольности с самого начала велась в России точно в том духе, в котором <...> вести ее никогда не следует — во имя абстрактных идеалов»⁷¹. Наиболее оптимальным вариантом, полагал Р. Пайпс, является вариант борьбы «групп интересов» за свои права. В качестве примера он привел борьбу среднего класса Запада за свои деловые интересы в Новое и Новейшее время, «а поскольку интересы эти требовали законопавия и защиты прав личности, он (средний класс. — А. С.) боролся за общественное устройство, соответствующее идеалам, которые впоследствии стали называться либеральными»⁷².

Эти размышления Р. Пайпса во многом являются ключом к пониманию как относительной неудачи правозащитного движения, разгромленного органами КГБ, так и резистентности религиозного диссента. П. Вайль и А. Генис считали, что полнее всего в правозащитном движении реализовалась «проповедь торжества духовных идеалов над материальными»⁷³. Не случайно сами диссиденты с высокомерием относились к так называемым «группам интересов» из числа женщин, рабочих, инвалидов и т. п., которые старались добиться определенных прав в первую очередь в социальной сфере. Как отмечает историк Евгений Казаков, лозунги правозащитников, такие как «борьба за право иметь права», не содержали ответа на вопросы, которые были жизненно важны для остальных групп недовольных⁷⁴. И если для членов Хельсинской группы борьба за права человека обладала этической самоценностью, то остальные оппозиционные группы скорее стремились к практическим результатам. Таким образом, социальный

⁷¹ Цит. по: *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. С. 328.

⁷² Там же. С. 252.

⁷³ *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М., 2013. С. 89.

⁷⁴ *Kasakow E.* Dissens und Untergrund. Das Wiederaufkommen der linken oppositionellen Gruppen in der späten Brežnev-Zeit // *Belge B., Deuerlein M.* (Hrsg.): Goldenes Zeitalter der Stagnation? Perspektiven auf die sowjetische Ordnung der Brežnev-Ära. Tübingen, 2014. S. 81.

базис «светского» правозащитного движения оказался крайне узким. По словам Евгения Казакова, борцы за право свободы слова и право создания независимых организаций, как правило, пассивны, когда речь заходила о практическом применении этих прав⁷⁵.

Зато «инициативники» не побоялись клейма «антисоветской» экстремистской организации. В отличие от правозащитников, они представляли собой несомненную «группу интересов», выступавшую за самые что ни на есть конкретные права. Именно практические интересы повседневной деятельности общин, вынужденных выживать на периферии советского общества, предопределили совершенно разное отношение религиозных диссидентов и правозащитников к советскому законодательству. В то время как светские диссиденты, выполняя функцию добровольных блюстителей «социалистической законности», призывали государство к соблюдению его же законов, в первую очередь Конституции, приверженцы СЦ ЕХБ игнорировали и нарушали советское законодательство о культах. Правозащитники — блестящие знатоки уголовного и прочих кодексов, «играли» на поле противника, что и обусловило их поражение. Религиозные диссиденты, даже если бы захотели, не имели возможности предстать в качестве правозащитников — подавляющая часть советского законодательства о культах была секретной. Единственное исключение составляли апелляции верующих к «ленинским нормам» отношения к религии и в редких случаях — к международному законодательству. В остальном в своей массе «инициативники» ради выживания в качестве самобытной религиозной группы — но не ради выживания любой ценой — совершенно сознательно шли на нарушение советских законов, в первую очередь игнорируя запрет группового преподавания вероучения детям и подросткам.

⁷⁵ Kasakow E. Dissens und Untergrund. Das Wiederaufkommen der linken oppositionellen Gruppen in der späten Brežnev-Zeit... S. 81.